

УДК 811.11-112'37

Лукин Д.С.*Московский государственный областной университет***КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРИЧНОСТЬ КАК СПОСОБ
ПЕРЕДАЧИ ОБРАЗНОСТИ В ЯЗЫКЕ**

Аннотация. Статья посвящена проблематике изучения когнитивных метафор и попытке сформулировать наиболее точные критерии реализации данного образного средства. Автор рассматривает различные подходы адекватной передачи метафор ИЯ через ПЯ на основе когнитивных связей между базовыми элементами языковой системы в рамках когнитивной лингвистики. Когнитивная метафора, таким образом, рассматривается как неотъемлемая часть мыслительной деятельности человека, которой, в то же время, присущи черты языкового знака, проявляющегося при реализации образности в тексте.

Ключевые слова: концептуальность, когнитивные метафоры, стёртые метафоры, образно-переносные эквиваленты, концептуальные смыслы.

D. Lukin*Moscow State Regional University***COGNITIVE METAPHOR AS A WAY TO CONVEY FIGURATIVENESS**

Abstract. The paper describes the study of cognitive metaphors. An attempt to formulate the precise criteria of this figurative device implementation is undertaken. The author considers the various ways of adequate transfer of metaphors from the source language into translation language on the basis of cognitive links between the basic language elements in the framework of cognitive linguistics. Thus, the cognitive metaphor is considered as an integral part of human cogitative activity possessing at the same time language sign characteristics, which are realized when figurativeness is implemented in the text.

Key words: conceptuality, cognitive metaphors, trite/faded metaphors, figurative-transferred equivalents, conceptual meanings.

На необходимость адекватной передачи метафорической образности посредством когнитивных, мыслительных связей в тексте одним из первых обратил внимание отечественный лингвист Л.Л. Нелюбин, который отмечает в Толковом переводоведческом словаре, что метафора – это «языковой феномен, которому соответствует некая модель действительности, определяемая мышлением человека и влияю-

щая на выбор альтернатив в процессе принятия решений» [2, с. 108].

Наряду с ним американский лингвист Н. Хомский в работе «Language and Mind» утверждает, что лингвистика – это часть когнитивной психологии: «Я думаю, что в когнитивной психологии нет более стремительно развивающегося раздела, чем лингвистика, и если мы захотим когда-нибудь понять, как функционирует язык или как мы его приобрели, то мы должны

проводить отдельные и независимые исследования когнитивной системы, системы знаний и фактов» (*перевод наш.* – Л.Д.) [5, с. 1].

Хомский также признаёт, что «мы сегодня так же далеки, как и Декарт был три столетия назад, от понимания всего того, что позволяет человеку говорить так, чтобы его речь звучала современно, свободно, а также грамотно и последовательно» (*перевод наш.* – Л.Д.) [5, с. 12–13]. Он пришёл к выводу, что когнитивная лингвистика исследует соотношение языка и сознания, связь когнитивных способностей человека с языком, формы их взаимодействия.

Таким образом, когнитивная лингвистика уделяет особое внимание основным, базовым элементам языка, к которым, безусловно, относится и метафора, так как её использование в процессе коммуникации происходит по принципу «от простых, конкретных слов до образно-переносных эквивалентов». Для анализа подобных переходов была необходима теоретическая обоснованность, которая могла бы объяснить связи между базовыми элементами языковой системы. Такая теория появилась в работе А. Дейнана, который на примере метафор показал подобную связь. За образец он взял четыре типа так называемых *лексических*, или «стёртых», *метафор*:

1. Слова, которые лингвистически «мертвы», то есть активно не используются в современном языке, потому что их исконный смысл сегодня не имеет нужного словесного эквивалента. Так, слово *pedigree*, заимствованное из французского, со значением *нога журавля*, в английском стало означать *родословную*. Таким образом, слово

при заимствовании стало обозначать новое понятие на основе метафорического переноса. Кроме этого, исконное значение утратилось в языке-реципиенте.

2. Слова, которые лишились исконного значения, но приобрели образное. Например, буквальный смысл слова *comprehend* – *удерживать какой-либо объект в своих руках* – утрачен, однако метафорически данное слово сегодня может переводиться как *ухватиться за идею*.

3. Лексемы, обладающие как буквальным, так и метафорическим смыслом. Так, слово *dunk* является распространённым американизмом, обозначающим *бросок в кольцо*. Первоначально оно имело значение *погружение булочки в горячий напиток*. Это пример именно «стёртой» метафоры, поскольку второе значение, которое когда-то обладало образной окраской, перестало использоваться в языке.

4. Обычные метафоры, когда прямое и переносное значения сосуществуют в современном языке на равных, к примеру, слово *grasp* со значениями *крепкое сжатие* и *способность схватывания* (*перевод наш.* – Л.Д.) [6, с. 36–37].

Тем не менее, на познавательном уровне в метафоре метафорический смысл имеет тенденцию «прикрываться» прямым значением, и её смысл теряет самостоятельность. Существенную роль в анализе А. Дейнана подобных слов сыграла выборка лексических средств, напрямую зависящих от мотивов и поступков человека. Так, в процессе исследования он пришёл к выводу, что применительно к «стёртым» метафорам можно говорить о когнитивных метафорах, соче-

тающих в себе как ментальные, так и языковые интенции автора.

Метафорический образ, заложенный автором, требует перенести из одного языка в другой многослойность его значений и ассоциаций. В противном случае возникает утрата семантической сложности, а значит, и самой когнитивной метафоры. При переводе необходимо подобрать такие языковые средства, которые вызовут в языке перевода новую цепь ассоциаций – основным образом. Когнитивная метафора становится одним из основных средств порождения нового знания.

Данная позиция подтверждается взглядами М. Минского, который утверждает, что «аналогии, основанные на когнитивной метафоре, дают возможность увидеть какой-либо предмет или идею как бы «в свете» другого предмета или идеи, что позволяет применить знание и опыт, приобретённые в одной области, для решения проблемы в другой области» [1, с. 291–292]. Поэтому, если буквальный перевод метафоры не связан со значением и самостоятельным характером «нового понятия», такая метафора считается не только «стёртой», но и когнитивной. Метафора, таким образом, обеспечивает концептуализацию неизученного объекта по аналогии с уже сложившейся системой понятий.

Кроме того, значительный вклад в изучение когнитивных метафор внесли Дж. Лакофф и М. Джонсон, которым удалось доказать, что язык предполагает и выражает множество скрытых концептуальных смыслов, возникающих в результате использования метафор. «Успех метафоры можно также объяснить тем фактом, что метафора – это язык мыслей и действий» (*пере-*

вод наш. – Л.Д.) [9, с. 153]. Однако, по мнению исследователей, данный троп не является «стёртым». Метафоры в обычном языке являются систематическим образным выражением. Поэтому Р. Моран отмечает, что «смысл, пусть даже эта метафора вышла из активного употребления, в целом будет привязан к намерениям говорящего (спикера). Таким образом, толкование метафоры будет определяться намерениями говорящего» [11, с. 264].

Как следствие, возникает необходимость более тщательно подбирать подходящий эквивалент, что, безусловно, вызывает повышенный интерес со стороны как лингвистов, так и филологов в целом с точки зрения поиска того самого «истинного» перевода. Этого можно достичь только в том случае, если будут использованы не только синтаксические, но и логические, когнитивные способы достижения переводческой эквивалентности, соответствующие авторской задумке.

Таким образом, существующая в сознании носителей языка система образов-символов, имеющих устойчивое значение и положительную или отрицательную коннотацию, позволяет в каждом конкретном случае выбрать свой вариант метафорической передачи содержания высказывания. При этом с позиции изучения метафорического осмысления действительности, несомненно, необходимо учитывать когнитивные механизмы передачи образности с одного языка на другой, поскольку мыслительные операции могут проходить в обоих направлениях без каких-либо ограничений со стороны как лексического состава языка, так и творческого подхода к процессу переводческой деятельности.

Вопрос об ограничении использования когнитивной метафоры при переводе с одного языка на другой остаётся открытым. Проблема «приспосабливаемости» под «новый», неродной язык для данного средства выразительности, несомненно, остаётся одной из самых трудных. Это связано с тем, что при сопоставлении единиц ИЯ и ПЯ анализируются самые разные аспекты речетворческой деятельности как на ментальном, так и на языковом уровнях. Более того, различия в трактовке самого понятия означают, что исследования данного языкового и культурного феномена по-прежнему актуальны.

В когнитивной лингвистике когнитивная метафора, или познавательная метафора, определяется либо как единичная мысль, облечённая в языковую форму, либо представляет собой концептуальную область исследования какого-либо языкового знака. Впервые данный термин был использован лингвистами Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в работе «Метафоры вокруг нас» в 1980 г. Они утверждают, что абстрактное понятие какого-либо предмета можно вывести только через конкретное проявление его существенного признака. Лакофф пишет, что структура метафоры «позволяет использовать исходное значение для достижения итоговой цели» (*перевод наш. – Л.Д.*) [8, с. 208].

Американские лингвисты У. Эванс и М. Грин отмечают, что «наш язык, один из инструментов, позволяющий изучить организованность нашей концептуальной системы, крайне метафоричен (*перевод наш. – Л.Д.*) [7, с. 170]. В данном случае следует признать, что когнитивная метафора способна ока-

зать значительное влияние на язык, поскольку содержит в себе аспекты самых разных сторон человеческой жизни, включая и элементы культуры.

Таким образом, следует указать, что использование метафорического переноса с одного предмета на другой, благодаря чему становится возможным точнее воспринимать картину реальной действительности, достигается не только за счёт правильного подбора эквивалента, но и при помощи когнитивного осмысления той образности, которую несут в себе данные понятия.

Посредством когнитивного влияния авторских интенций обстановка приобретает оттенок метафоричности, что, несомненно, несёт определённые трудности с точки зрения адекватной передачи единиц ИЯ, поскольку практически невозможно, а иногда просто недопустимо, следовать правилам эквивалентной передачи лексических единиц с одного языка на другой.

В частности, при когнитивном подходе к процессу перевода немаловажную роль играет тот контекст, который окружает подобную образность, заключающийся не только в расположении каких-либо предметов в пространстве, но и в ментальном влиянии их на общий фон высказывания. Языковая личность автора, таким образом, выполняет функцию придания образности и метафоричности в процессе написания произведения, переводчик в то же время способствует адекватной и по возможности близкой к оригиналу интерпретации авторского замысла.

Тем не менее, нельзя говорить о том, что метафоричность достигается только за счёт когнитивного подхода, поскольку при передаче образных

единиц ИЯ посредством единиц ПЯ перенос значения на основе сходства и смежности понятий достигается не только на ментальном, но и на синтаксическом уровне. Так, в словаре «Macmillan phrasal verbs plus» даётся следующее определение метафоры: «*Metaphor is a type of comparison when you use a word or phrase metaphorically you are using the meaning that has developed from the literal meaning*» [10, с. 941]. Метафора, являясь средством сложной информации, требует в переводе полного сохранения всей своей информативности, иначе возникает угроза утраты её семантической сложности, а значит – и самой метафоры.

Здесь возникают определённые трудности, поскольку в художественной речи метафора несёт нагрузку, не равноценную той, которую выполняет в процессе ежедневных коммуникативных актов. Метафора в данном случае – это уже орудие творчества художника, посредством которого создаются художественные образы.

В подобных случаях необходимо подобрать такие лексические средства, которые от основного образа дадут в языке именно такую цепь ассоциаций, какую предполагал автор оригинала. Здесь приходится учитывать характер образа, культурные и ситуационные предпосылки и его роль в конкретном контексте, для того чтобы решить, следует ли сохранить образ, или его можно заменить другим образом.

Следовательно, возможность использования метафор в качестве определённых ассоциативных рядов, влияющих на конечный результат перевода, становится одним из важнейших моментов в понимании функционирования данного феномена.

Необходимо отметить, что под **метафорой** следует понимать любое слово или фразу, используемую в переносном значении, однако это не означает, что когнитивный подход является ошибочным.

В. Пищальникова полагает, что в основе когнитивной метафоры лежат *доминантные смыслы*, при этом, при когнитивном подходе, в основе восприятия лежит не конкретное слово, а образ, который за ним стоит. Так, если исходить из конкретной авторской интенции, а не вопросов словотворчества, то, по её мнению, следует изучать «взаимоотношения компонентов доминантного смысла текста», представленные в «различных лексемах, фиксирующих актуальные субъективные авторские смыслы» [3, с. 150].

Само понятие может быть вовсе лишено образности, однако обладать метафорической символичностью, которую нередко трудно разглядеть без опоры на контекст. Известное положение М. Блека о том, что метафора – это *interaction of two thoughts expressing different things*, т. е. «взаимодействие двух мыслей, передающих разные идеи», автора и переводчика, помогает выявить авторское актуальное содержание текста через установление смысловых отношений между элементами, объединёнными в функциональное поле смысла данного речевого произведения и определить, какими принципами необходимо руководствоваться при сопоставлении единиц ИЯ и ПЯ (*перевод наш. – Л. Д.*) [4, с. 67]. При этом нужно основываться либо на ментальных операциях и интенциях автора, либо руководствоваться правилами переводческой деятельности – и тогда переводить

не образы, а конкретный авторский смысл.

Следовательно, метафору необходимо рассматривать с нескольких позиций, а именно не ограничиваться только восприятием автора, но и учитывать *структуру* и *форму* образования данного тропа. Обе рассматриваемые нами тенденции имеют право на существование независимо друг от друга, дополняют и расширяют исходный вариант тропа, что представляет значительный интерес для изучения лингвистов, культурологов и специалистов смежных профессий.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты лингвистики [Текст]. – Вып. XXIII. М., 1988. С. 291–292.
2. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта, 2009. 320 с.
3. Пищальникова В.А. Психопоэтика [Текст]: монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. 176 с.
4. Black M. Models and Metaphors: Studies in Language and Philosophy. New York: Cornell Univ. Press, 1962. 267 p.
5. Chomsky N. Language and Mind. Enlarged ed. New York, MIT: Harcourt Brace Jovanovich, Inc., 1972. 123 p.
6. Deignan A. Metaphors and Corpus Linguistics. Amsterdam: John Benjamins, 2005. 235 p.
7. Evans V., Green M. Cognitive Linguistics (An Introduction). New Jersey: Routledge, 2006. 864 p.
8. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor. // In A. Ortony (Ed.). Metaphor and thought, 2nd. ed. New York: Cambridge Univ. Press, 1993. P. 202-252.
9. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980. 242 p.
10. Macmillan phrasal verbs plus. – Oxford: Blumsberry publ., 2006. 522 p.
11. Moran R. Metaphor. // In B. Hale & C. Wright (eds.) A Companion to the Philosophy of Language. Oxford: Blackwell, 1997. P. 248-268.